

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» как синтез творчества Некрасова. История ее создания. Замысел, идея, композиция. Образы представителей и представительниц народной среды. Сатирические образы. Новое решение проблемы положительного героя. Стиль поэмы. Влияние устного народного творчества

В поэмах о декабристах и декабристках преимущественное внимание поэта устремлено на «друзей свободы и народа», т. е. на революционных борцов. Пусть эти последние — только первенцы русской революции и их деятельность относится к давно прошедшим временам, однако за их образами и поэт и его читатели чувствуют образы деятелей современного революционного движения.

Поэмы «Недавнее время» и «Современники» посвящены изображению врагов народа, эксплуататоров и угнетателей, принадлежащих к социальным верхам — к сановно-аристократической среде, а особенно к крупным представителям промышленного и финансового капитала.

Свое основное, более того, итоговое произведение Некрасов посвящает народу, причем наравне с картинами и образами народной среды, как бы продолжая линию «Дедушки» и «Русских женщин», с одной стороны, «Недавнего времени» и «Современников», с другой, — рисует народ в окружении и его друзей и его врагов. Таким образом, поэма «Кому на Руси жить хорошо» является поэмой прежде всего о народе, но в значительной мере и об его друзьях и врагах. Иначе Некрасов как художник-реалист, поставивший своей целью изобразить русскую жизнь в 60—70-е годы, не мог поступить, так как именно в эти десятилетия, под влиянием сдвигов в экономической жизни, вызванных пресловутым «освобождением» крестьян, явным образом выгодным для господствующих классов и не менее явно разорительным для народа, классовая

борьба начала принимать все более и более обостренный характер. Народ под гнетом двойной эксплуатации нищал и разорялся, разрасталось и углублялось революционное движение.

Самое название поэмы свидетельствует о том, что в намерения ее автора входило всестороннее изображение русской жизни. Можно ли было, в самом деле, решить вопрос «кому живется весело, вольготно на Руси», не обзрев русской жизни, хотя бы в главнейших ее проявлениях.

Белинский назвал когда-то роман Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». Поэма Некрасова, писавшаяся в 60-е и 70-е годы, по широте социального охвата с неменьшим правом может быть названа «энциклопедией русской жизни».

Не удивительно, что ему для работы над поэмой понадобилось очень много времени. Работа эта началась в 1863—1864 годах, а годом ее окончания был 1876 год. Работа над поэмой велась, разумеется, в течение этих 12—13 лет не сплошь, а с перерывами. Первая часть поэмы была закончена в 1865 году, «Последыш» — в 1872 году; «Крестьянка» — в 1873 году; а «Пир на весь мир» — в 1876 году.

Создать композицию такого огромного произведения, как «Кому на Руси жить хорошо», — дело не легкое. Но в данном случае оно осложнилось еще и тем, что работа над поэмой продолжалась с очень большими перерывами, продолжалась значительно более десятилетия, а за это время много воды утекло, социально-политическая и экономическая конъюнктура в стране подверглась существенным изменениям. Вот почему Некрасов хотя и подчинил композицию поэмы единому идейному замыслу, однако в процессе работы над ней замысел этот, как будет показано ниже, подвергся некоторой эволюции. Как бы то ни было, композиция «Кому на Руси жить хорошо» носит особый и весьма своеобразный характер. Поэма распадается на 4 части: первая часть, к которой относится и «Пролог», вторая — «Крестьянка», третья — «Последыш», четвертая — «Пир на весь мир». В свое время велись ожесточенные споры, можно ли считать это распределение частей обоснованным. Теперь советское литературоведение установило, что именно такая последовательность частей наиболее соответствует идейному замыслу поэмы. Вот почему этой последовательности придерживается и редакция последнего 12-томного «Полного собрания сочинений Н. А. Некрасова».¹

¹ Упомянутые споры изложены в комментариях к т. III этого собрания, в главе «Композиция поэмы» (стр. 640—645).

Своеобразие композиции выражается в том, что первая часть представляет собой и по содержанию и по форме нечто единое и цельное. То же самое можно сказать о второй части поэмы «Крестьянка», являющейся как бы поэмой в поэме. Впрочем идейно, а отчасти и сюжетно, она примыкает к первой части. Третья и четвертая части соединяют две главы, хотя и очень близкие идейно, но значительно отличающиеся друг от друга и по содержанию и по форме. Не забудем, что между созданием «Последыша» и «Пира на весь мир» — промежуток в 4 года.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что композиция «Кому на Руси жить хорошо» определяется соединением частей, относительно самостоятельных. Такое соединение представляло бы значительный риск и могло бы нарушить единство восприятия и впечатления от поэмы, если бы не отмеченная уже нами общность идейного замысла. Этот последний сводится к тому, чтобы показать, что положение народа и после освобождения остается крайне тяжелым, но положительные силы народа не парализованы, а главное, в народе неуклонно повышается самосознание, толкающее его на путь революционной борьбы; на этом пути у народа есть союзники в лице народолюбивой демократической интеллигенции.

Некрасов построил свою поэму как повествование о путешествии семерых странников, желающих во что бы то ни стало найти истинно счастливого человека, как повествование о бесчисленных дорожных встречах странников и о разговорах их с огромным количеством людей, принадлежащих к различным социальным слоям.

Но что такое счастье?

Некрасов в своих произведениях неоднократно ставил такой вопрос и давал на него определенные ответы в духе того революционно-демократического мировоззрения, которое глубоко воспринял. Один из ответов был дан в поэме «Несчастные», другой в «Песне Еремушке» и т. д. Сущность их сводилась к утверждению, что счастье не в том, в чем видит его большинство («и привольная и праздная жизнь покатится шутя»), а в том, чтобы служить «Братству, Равенству, Свободе» («Будь счастливей! силу новую благородных юных дней в форму старую, готовую необдуманно не лей!»). А служить «Братству, Равенству, Свободе» — это в условиях тогдашней действительности значило служить народу, бороться за его освобождение.

В этом же направлении работала мысль Некрасова, когда он писал поэму «Кому на Руси жить хорошо».

Идеал счастья в поэме формулирует любимый герой Некрасова Григорий Добросклонов:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Это исходная точка зрения, с которой решается Некрасовым вопрос о счастье. Грубо утилитарный идеал счастья свойствен только представителям эксплуататорских классов.

Поп (в главе того же названия) на вопрос о счастье отвечает:

В чем счастье по вашему?
Покой, богатство, честь.

Один из семерых странников, Лука, уверовавший в «поповское счастье», заявляет:

Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
.....
Малина — не житье!
Попова каша — с маслом,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!

От идеала «попова счастья» идеалы счастья других представителей эксплуататорских классов отличаются лишь по форме, но сущность остается тою же: счастье — в грубоутилитарных благах. Но ведь благосостояние некоторых из них — духовенства, дворянства — несколько пошатнулось после того, как

Порвалась цепь великая,
Порвалась, — раскочилась:
Другим по мужику!..
Одним концом по барину,

Материальное благосостояние кандидатов на счастье поколеблено, они категорически отказываются признать себя счастливыми.

Отказавшись от попыток изобразить всех намеченных странниками кандидатов в счастливы, Некрасов с несравненно большим вниманием отнесся к вопросу о «мужицком счастье», так как этот вопрос являлся одним из основных вопросов его поэмы. К определенному решению этого вопроса

в его существе он пришел уже давно, а в 70-е годы возвращался особенно часто. В стихотворении 1874 года «Элегия» хотя поэт и спрашивает:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..

совершенно ясно, что он уже пришел к убеждению, что крестьянская реформа не дала народу счастья.

Несколько позже Некрасов пишет стихотворение «Как празднуют трусу», в котором отрицательный ответ на вопрос о счастье якобы «освобожденного народа» дается в достаточно определенной форме:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие,
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.

Соответственно с этим, уже с первых строк «Кому на Руси жить хорошо», продолжая еще Новиковым установленную, а затем подхваченную Крыловым традицию — отражать внутреннюю сущность персонажа в его имени, Некрасов говорит о своих героях как о крестьянах Подтянутой губернии, уезда Терпигорева, Пустопорожней волости, деревень: Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки тож. Эти названия выбраны не случайно, а с целью подчеркнуть как горькую бедность, так и крайнюю забитость крестьянства. О крестьянском счастье если можно говорить, то только в ироническом смысле:

Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!

Каково жилось крестьянам при крепостном праве, — об этом достаточно определенно говорят такие песни в «Пире на весь мир», как «Веселая» с ее надрывающим душу припевом: «Славно жить народу на Руси святой», «Барщиниза» («Беден, нечесан Калинушка», у которого «с лаптя до ворота шкура»

вся вспорота, пухнет с мякины живот»), рассказ «Про холопа примерного — Якова верного», не нашедшего лучшего способа отомстить своему барину, как повеситься на его глазах.

Вот как характеризуют сами крестьяне недавнее прошлое:

Мы барщинные! выросли
 Под рылом у помещика;
 День — каторга, а ночь?
 Что сраму-то! За девками
 Гонцы скакали тройками
 По нашим деревням.
 В лицо позабывали мы
 Друг дружку, в землю гляючи,
 Мы потеряли речь.
 В молчанку напивались,
 В молчанку целовались,
 В молчанку драка шла.

Крепостное право не только обрекало крестьян на жизнь, полную лишений и надругательства; оно коверкало их нравственную природу, прививая им смирение и покорность, эти рабские добродетели, уча их звериному эгоизму. Как «змея родит змеенышей», так «крепь» родила немало крестьянских грехов, в том числе и такой страшный грех, как переход на сторону классового врага (см. в «Пире на весь мир» новеллу «Крестьянский грех»).

Так расценивая дореформенные времена, Некрасов отнюдь не обольщается и пореформенным настоящим. Его взгляд на крестьянскую реформу близок взгляду его великого друга Н. Г. Чернышевского. Взгляд же Чернышевского с предельной отчетливостью был сформулирован впоследствии В. И. Лениным. «„Крестьянская реформа“ 61-го года, — читаем в статье Ленина «„Крестьянская реформа“ и пролетарско-крестьянская революция», — . . . он (т. е. Чернышевский, — В. Е.-М.) назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку».¹ Иначе относиться к реформе для такого убежденного революционного демократа, как Чернышевский, было невозможно. Ведь обстановка в стране не изменилась. «Крестьяне остались и после освобождения „низшим“ сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 97.

«Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения“ такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России».¹

Некрасов в свою очередь хорошо сознавал, что «освобожденный» крестьянин не перестал быть объектом самой жестокой эксплуатации. В уста одного из своих героев — Якима Нагого — он вкладывает такие знаменательные слова:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!

Некрасов хочет сказать, что крестьянин работает не столько на себя, сколько на эксплуататорские классы (дворянство, духовенство), возглавляемые царем. В этом перечне паразитов отсутствует буржуазия. Однако в других местах поэмы последней уделено достаточное внимание. С кем ведет борьбу любимый герой Некрасова Ермил Гирич? С купцом Алтынниковым. Из-за кого угодил в тюрьму Яким Нагой? Из-за купца же. Чья непомерная жадность погубила силача Трофима? Жадность «проклятого подрядчика», «бестии», «подлеца» (см. в первой части поэмы главу «Счастливые»).

«Порвалась цепь великая», т. е. отменено крепостное право, барин лишен возможности подвергать крестьян телесному наказанию, но их постоянно на «законных основаниях» приговаривают к розгам волостные суды (см. «Пир на весь мир»).

«Порвалась цепь великая», но все еще кошмарны условия крестьянского труда:

... погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком-ползет с плетюхами,—
Трещит крестьянский пух!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкой
Изъеденные в кровь...

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65.

«Порвалась цепь великая», но попрежнему тяжело и грустно смотреть на русского пахаря:

Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

«Порвалась цепь великая», но, как и раньше, голод стучится у крестьянских дверей, и мрачная «голодная» песня невольно просится на уста:

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик,—
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

На множестве примеров, которые могли бы быть приведены лишь в специальном исследовании, читатель поэмы убеждается в том, в чем был убежден поэт, — что и после крестьянской реформы крестьянская жизнь осталась невыносимо тяжелой, что и после реформы нет и не может быть места крестьянскому счастью.

Естественно, что мысль поэта должна была перейти от вопроса «счастлив ли народ?» к вопросу, еще не столь проясненному, — о путях, ведущих к «мужицкому счастью». Вопрос этот Некрасову пришлось решать не столько в первой части поэмы, сколько в ее последующих частях, когда несомненный и сильный подъем революционного движения, в частности революционной пропаганды и агитации в крестьянских массах, выдвинул такое решение этого вопроса, которому великий поэт революционной демократии не мог не сочувствовать.

Здесь уместно будет сказать несколько слов об эволюции идейного замысла поэмы. Некрасов начал работу над ней в эпоху реакции, в период, явно неблагоприятный для того, чтобы ставить и воплощать в художественных образах вопрос о путях к народному счастью, среди которых наибольшее значение он придавал революционному пути. Всякие попытки в этом направлении были бы пресечены цензурой. Ведь четверостишие в монологе Якима Нагого о трех «дольщиках» («Бог, царь и господин»), самая революционная нота первой части поэмы, не было пропущено в печать. Точно так же заключительную часть рассказа о том, «как бунтовалась вотчина помещика Обрубкова, Испуганной губернии, уезда Недыханьева деревня Столбники», Некрасову пришлось оборвать, заменив несказанное рядами точек. В соответствии с этим в первой части немало места (это соответствует и замыслу поэта — дать широкое полотно социальных отношений) Некрасов уделяет ответам на вопрос, каково живется «попу», «помещику». В четырехлетие же с 1873 по 1876 год, под влиянием того, что происходило в стране, поэт решительно отодвигает на второй план вопрос о счастье «купчины толстопузого», «чиновника», «вельможного боярина — министра государева», наконец, «царя» и всецело посвящает свою поэму вопросу о том, каково живется народу и какие пути ведут к народному счастью. Картины народных страданий под его пером становятся все мрачнее и мрачнее, революционные же мотивы звучат все громче и громче, достигая своего апогея в «Пире на весь мир».

Сказанное о некоторой (конечно относительной) эволюции идейного замысла поэмы можно было бы подтвердить очень значительным количеством ссылок и примеров. Не загружая нашего изложения этими последними, остановимся на анализе крестьянских образов поэмы, начиная с первой ее части.

Образы семерых странников носят в поэме преимущественно организующую роль. Странники, эти семь временно-обязанных Подтянутой губернии, уезда Терпигорева, решились во что бы то ни стало, найти ответ на интересующий их вопрос «кому живется весело?». Едва ли нужно доказывать, что искание счастья теснейшим образом связано с исканием правды, причем правды совершенно определенной, нужной именно для странников из деревень Горелова, Неелова, Разутого, Знобишина...

Именно потому, что в самом начале поэмы читателю понятно, какую правду ищут семеро странников, как един-

ственно верная воспринимается концовка поэмы: «Быть бы нашим странникам под родной крышею, если б знать могли они, что творилось с Гришею».

Некрасов изменил бы своему реалистическому методу, если бы не придавал образам семерых странников некоторых черт, характерных для крестьян той эпохи, но все же общественный облик их обрисован лишь общими чертами. Да и личные их свойства обрисованы бегло.

Одним из первых крестьянских образов поэмы, разработанных более или менее углубленно, является образ Якима Нагого. Яким воплощает собой тип крестьянина-землероба. Хотя он до крайних пределов угнетен невыносимо тяжелыми условиями своего существования, однако при сколько-нибудь внимательном отношении к нему оказывается, что неизбежно трудолюбие российских Якимов, что нет трудового подвига, на который они были бы неспособны. И тем больнее сознавать, что плодами героического труда Якимов — увы! — пользуются другие («бог, царь и господин»).

Как ни тяжело живется Якимам, они не лишены ни критического отношения к действительности, ни уважения к ценностям духовного порядка. Критическое отношение Якима к действительности и сознание своего достоинства чувствуется в каждом почти слове его монолога; оно же побудило его в молодости затеять тяжбу с купцом, кончившуюся для Якима тюрьмой. Уважение к духовным ценностям проявляется в трогательной любви к «картиночкам», которыми он увешал стены своей избы и которые столь самоотверженно спасает во время пожара.

Якимы — говорит Некрасов всем содержанием данной главы своей поэмы — покамест еще терпят свою беспросветную жизнь, и если временами в их душах и разгорается ненависть к их угнетателям, то вместо того, чтобы дать отпор этим последним,

... все вином кончается.

Прошла по жилам чарочка

И рассмеялась добрая крестьянская душа.

Всегда ли так будет, всегда ли протест крестьянских масс будет находить себе выход только в пьяной гульбе, которая с таким мастерством изображена Некрасовым в главе «Пьяная ночь»?

На этот вопрос отвечают истории Ермила Гирина и Савелия.

Ермил Гирин, этот выдающийся и по уму, и по организаторским способностям, и по нравственным качествам предста-

витель крестьянской среды, кончает острогом. Цензура лишила Некрасова возможности рассказать, какую роль Ермил сыграл в то время, как «бунтовалась вотчина помещика Обрубкова». Но совершенно ясно, что он отказался стать на сторону усмирителей, за что и угодил в острог. Поэт не смог благодаря той же цензуре дать сколько-нибудь широкую картину бунта, но уже самый факт неповиновения властям крестьян Испуганной губернии, уезда Недыханьева, деревни Столбняки говорит о многом, а прежде всего о том, что мера терпенья народного начинает переполняться.

Еще показательнее образ Савелия, богатыря святорусского. Он проявляет себя способным уже на активную борьбу, приняв руководящее участие в расправе с барским управителем, немцем Фогелем. Хотя в результате Савелий подвергся неимоверно тяжелому наказанию — плети, 20 лет каторги, 20 лет поселения в Сибири, — однако не пал духом и не раскаивается в содеянном. «Клейменный, а не раб» — говорит он о себе с нескрываемой гордостью. Его мысли сосредоточены на судьбах крестьянских масс. Их покорность возмущает его до глубины души.

Любимые, постоянно повторяемые им словечки, это

Эх вы, Аники-воины!
 Со стариками, с бабами
 Вам только воевать!

 Недотерпеть — пропасть,
 Перетерпеть — пропасть! . .

 Надумалась Корёжина,
 Наддай! наддай! наддай! . .

Ряды точек свидетельствуют о том, что и в этом случае цензура усиленно заграждала уста Некрасову. Однако если мы вспомним, что с криком «Наддай!» Савелий и его односельчане расправились в свое время с барским управителем Фогелем, то смысл только-что приведенных отрывочных восклицаний станет совершенно ясен. Савелий страстно хочет, чтобы кончилось вековое терпение «богатыря сермяжного» и он восстал на своих угнетателей.

Если принять во внимание, что образ Савелия был создан 7—8 годами позднее образа Ермила, а за эти годы революционное самосознание народа под влиянием создавшейся в стране ситуации далеко шагнуло вперед, станет ясно, почему именно Савелий в большей степени, чем Яким и Ермил, дол-

жен быть причислен к типу подлинных бунтарей, хотя бы и стихийных.

Дальнейшее развитие этого типа содержится в образе разбойника Кудеяра из песни «О двух великих грешниках» («Пир на весь мир»), созданном года через три после образа Савелия, в разгар расправы правительства с революционными народниками. Кудеяр не может искупить своих тяжелых грехов раскаянием и молитвою; он искупает их только тогда, когда убивает пана Глуховского — деспота, насильника, эксплуататора. Социальный смысл этого рассказа, представляющего одно из самых резких мест в содержании поэмы, обостряется указанием на то, что Кудеяр был по происхождению крестьянин, а пан Глуховский — помещик.

Трудно сомневаться, что концовка песни о Кудеяре

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло. . .

продиктована желанием указать, что уничтожение классового насилия помещиков — одна из важнейших ступеней на пути к раскрепощению народа, на пути к коренному изменению всего социального строя.

Характерно, что и свою излюбленную героиню Матрену Тимофеевну («Крестьянка») поэт наделил такими чертами, что к ней никоим образом нельзя отнести его прежней характеристики крестьянской женщины: «ты вся — воплощенный испуг, ты вся — вековая истома». Матрена Тимофеевна упорно сопротивляется господскому «управителю», желавшему сделать ее своей любовницей. Она бесстрашно бросает в лицо приехавшим на следствие корыстолюбивым чиновникам слова: «злодеи, палачи!». Когда деревенское начальство распорядилось высечь ее сына, она «вырвала Федотушку, да с ног Силантя-старосту и сбила невзначай». Конечно, защитить себя Матрена Тимофеевна не в состоянии: ей придется склонять голову перед силою обстоятельств, созданных социальным укладом того времени, но в сердце ее зреет гнев:

По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу! . .

Некрасов совокупностью этих и подобных им образов приводит читателя к выводу, что русский народ является подлинным богатырем, богатырем не только тела, но и духа.

Вспомним, что говорит Савелий Матрене Тимофеевне:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

Все образы крестьян даны в определенном освещении. Они страдают от угнетения: не слезы из глаз, а «кровь течет». Все они — носители протеста, пассивного или активного. Все больше и больше начинают они сознавать социальную несправедливость своего положения. Нужен сеятель, ибо «почва добрая душа народа русского». И если крестьянин изменил своей вековой ненависти к помещикам, он жалок и заслуживает презрения. В этом изображении крестьянства нашел отражение взгляд революционной демократии на русское крестьянство как на основную социальную силу, способную совершить революционный переворот.

В богатырство русского народа страстно верит и герой четвертой части поэмы («Пир на весь мир») Григорий Доброклонов. В образе его Некрасов имел в виду обрисовать современную ему народолюбивую молодежь, которая во имя интересов народа уже вступила на путь революционной борьбы с правительством и господствующими классами. Однако цензура помешала поэту придать этому образу должную яркость и четкость. Тем не менее, многие отличительные черты революционного борца 60—70-х годов Некрасов все же запечатлел в Грише. Духовное происхождение, семинарское образование, полуголодная юность роднят его с деятелями типа Добролюбова,¹ Щапова и т. п. К окружающей действительности он относится резко отрицательно прежде всего

¹ Не спроста Некрасов назвал своего героя Доброклоновым; эта фамилия напоминает фамилию Добролюбова; кроме того, Григория Доброклонова роднит с Добролюбовым еще и то, что он, подобно Добролюбову, пишет стихи.

потому, что она характеризуется донельзя угнетенным положением крестьянских масс. Гриша не закрывает глаз на недостатки отдельных представителей народной среды — холопство («Про холопа примерного — Якова верного»), корыстолюбие, ведущее в иных случаях к переходу на сторону классового врага (староста Глеб в «Крестьянском грехе»), но он хорошо понимает, что эти недостатки привиты долгими годами рабства. В основном же это последнее, по глубокому убеждению Гриши, не убило в народе стремления к лучшей жизни. «Свет и свобода» являются неперенными условиями «доли народа», т. е. народного счастья. Рано или поздно народ добьется их.

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая...

Когда эта искра разгорится, тогда поднимется «неисчислимая рать», в ней скажется «несокрушимая сила» и народное счастье перестанет быть мечтою. Борьбе во имя торжества «честного дела», во имя того, чтобы «землякам его и каждому крестьянину жилось вольготно, весело на всей святой Руси», Гриша отдаст всю свою жизнь. Пусть судьба грозит ему «чахоткой и Сибирью», он не изменит себе, не свернет с избранного пути. Этот путь характеризуется следующими словами знаменитой песни «Средь мира дольного для сердца вольного есть два пути», которая представляет одно из важнейших лирических отступлений в тексте поэмы:

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд
За обойденного,
За угнетенного,
Стань в их ряды.
Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

Насколько важное значение придавал Некрасов образу Гриши Добросклонова, видно из последних строк поэмы. Сложив песню «Русь» с ее знаменитыми стихами: «встали — небужены, вышли — непрошены» и «рать подымается неисчисли-

мая», Гриша мечтает о широкой деятельности на благо народное

Гриша спать попробовал. Спалось, не спалось,
 Краше прежней песенка в полусне слагалась;
 Быть бы нашим странникам под родною крышею,
 Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
 Слышал он в груди своей силы необъятные,
 Услаждали слух его звуки благодатные,
 Звуки лучезарные гимна благородного —
 Пел он воплощение счастья народного!..

Наиболее правильным толкованием этих исключительно важных строк, завершающих поэму, является следующее толкование: если бы странники могли заглянуть в душу Гриши, — они поняли бы, что их странствие в данный момент бесцельно, что среди представителей народных масс они не найдут истинно счастливых людей. Счастливые люди появятся тогда, когда народ добьется счастливой, т. е. свободной и зажиточной жизни. И такая жизнь наступит. Залогом этого служит то, что народная среда выдвигает людей, подобных Грише, видящих свое призвание, свое счастье в служении народу.

К этому толкованию можно присоединить еще и такие соображения. Вера в народное счастье, мечта о лучшем социальном будущем, бескорыстное и самоотверженное служение народу дают человеку такое высокое нравственное удовлетворение, что он чувствует себя счастливым. Счастливым чувствует себя Гриша Добросклонов, хотя ему «судьба готовила... чахотку и Сибирь»; счастливой чувствовала себя бедная сельская учительница Малоземова, которая в 1876 году писала Некрасову, что находит счастье в своей педагогической работе. Некрасов, как известно, отвечая Малоземовой, сказал: «Счастье, о котором Вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы», но «ей не суждено окончиться». Но «счастье» отдельных представителей интеллигенции (Гриша, Малоземова), о котором говорит здесь Некрасов, — это еще не счастье всего народа.

Говоря о Григории Добросклонове, нельзя не подчеркнуть самым решительным образом, что несмотря на то, что он подобно тысячам и тысячам тогдашних революционеров обречен на гибель, ему присуща непоколебимая вера в лучшее будущее русского народа. В одном из своих стихотворений¹ он твердо и убежденно заявляет:

¹ Революционное credo Григория Добросклонова поэту было трудно выразить в приемлемой для цензуры форме, повествуя о нем от себя. В этом одна из причин того, почему в поэме приводится много стихотворений и песен, сложенных Гришей. Все они если не сразу, то постепенно,

«В минуту унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином...

С «прошедшим расчет» далеко еще не был окончен, но что с падением крепостного права гражданское развитие масс должно было пойти ускоренными темпами, властно толкая их на борьбу с угнетателями и эксплуататорами, — это не подлежало никакому сомнению.

Социальный оптимизм обреченного на гибель Григория Добросклонова всецело разделяет и автор поэмы. Мысли, чувства, настроения автора определяют собой все содержание и форму поэмы, но, кроме того, для их сконцентрированного выражения Некрасов время от времени прибегает к особым лирическим отступлениям. Особенно их много в «Пире на весь мир», который Некрасов писал будучи тяжело больным человеком, с каждым днем убеждавшимся в близости смерти.

Напомним два из этих последних. Под впечатлением «протяжной, печальной» «песни» («иных покамест нет»), автор восклицает:

Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведренный денек,
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как? .. Душа народная!
Воссмейся ж, наконец! ..

Нет надобности доказывать, что эти слова могли вырваться из уст поэта, уверовавшего всем своим существом, что «душа народная» «воссмеется», что к этому ведет весь ход событий.

Хотя бы уже после смерти поэта, просочились через цензурные фильтры. Совокупность же гришинных стихотворений ярко, красочно, в чрезвычайно эмоциональной форме рисует основы социально-политического мировоззрения Гриши.

Еще определеннее звучит оптимистическая нота в заключительной части рассказа о том, с каким захватывающим интересом слушают крестьянские семьи «захожих странников»:

... ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Ключки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Комментарии к этим словам излишни. Единственно, что следует заметить, что они, как и сказанное в предыдущей цитате, полны глубокого, пророческого смысла. И вера поэта в то, что «душа народная» должна «воссмеяться», и убеждение в том, что «народу русскому пределы не положены», оправдались в нашу великую советскую эпоху.

Проясняя социальный смысл поэмы «Кому на Руси жить хорошо», мы преимущественное внимание уделили образам представителей народной среды, особенно выделив образ истинного друга народа («народного заступника», как называет его Некрасов) Гриши Добросклонова. Видную роль в поэме Некрасова играют и образы врагов народа, которые даются обычно в резко сатирическом плане. Сопоставление врагов народа с представителями народной среды дано в плане раскрытия основного социального противоречия: помещики, алтынники, представители власти, с одной стороны, и крестьянство — носитель хотя и скрытого, но достаточно назревшего протеста, с другой. Враги народа характеризуются образами помещиков — Оболта-Оболдуева, Шалашникова и в особенности князя Утятиня («последыша» в главе того же наименования), который не желает признавать крестьянской реформы, видя в ней нарушение своих прав помещика и дворянина. Сюда относятся чиновники — насильники, самоуправцы, взяточники, с чрезвычайной яркостью обрисованные в главе «Демущка». Сюда относятся буржуа-капиталисты вроде купца

Алтынникова или того подрядчика, который погубил силача Трофима, и т. д. и т. п. Рисуя эти образы, Некрасов продолжал ту линию беспощадного сатирического разоблачения эксплуататорских классов, которая наметилась в его поэзии еще в 40-е годы.

Что представляет собой поэма «Кому на Руси жить хорошо» как художественное произведение?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего необходимо отметить, что она приближается к типу народных эпосов. В ней, несмотря на ее незаконченность, дана широчайшая картина народной жизни в один из наиболее знаменательных исторических моментов. «Освобождение крестьян» до дна всколебало Россию, и Некрасов поступил совершенно правильно, развернув действие своей поэмы в этот период социального напряжения (1861—1863 годы).

Благодаря этому поэма Некрасова стала в высшей степени динамичной и драматичной. Она отличается напряженностью действия, отдельные эпизоды в ней чрезвычайно драматичны. Настойчивое стремление «семерых странников» найти ответ на вопрос такого колоссального значения, как «кому живется весело, вольготно на Руси», передается и читателям, которые с интересом, более того, с увлечением следят за похождениями странников.

С другой стороны, поэма Некрасова насыщена лиризмом. Исход своему взволнованному чувству автор находит не только в том, что умеет и хочет придать образам поэмы эмоциональную окраску, не только в том, что временами не останавливается, как мы только что видели, перед непосредственными лирическими отступлениями, но и в том, что вводит в содержание поэмы песенные мотивы и вводит их в очень широких размерах.

В поэме огромное количество действующих лиц. Но основная установка поэмы — не на изображение индивидуальных героев, а на изображение героя коллективного. Этим коллективным героем является народ, великий, могучий, героический русский народ. Индивидуальные герои, те же Яким Нагой, Ермил Гирин, Савелий, Матрена Тимофеевна и бесчисленное множество других, нужны поэту главным образом для того, чтобы оттенить, подчеркнуть отдельные черты коллективного героя.

И если считать, что задача народной эпопеи в том, чтобы изобразить народ, народную жизнь в один из критических, переломных моментов истории, то поэма Некрасова с полным успехом разрешает эту в высшей степени трудную и сложную

задачу. Поэма Некрасова выдерживает сравнение с величайшими созданиями мировой литературы, не исключая поэмы Гоголя «Мертвые души».

В поэме Некрасова, как и в поэме Гоголя, есть свои «мертвые души» — это образы тех, кого поэт считал «врагами народа», кого он рисовал в резко сатирическом плане. Но эти «мертвые души» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» нимало не заслоняют живой души народа. Живая душа народа в ней на первом плане.

Художника, сумевшего показать живую душу народа так, как показал ее Некрасов — ярко, глубоко, правдиво, а вместе с тем с огромной любовью, с огромным уважением, — нельзя не признать художником гениальным.

Хотя, повторяем, поэма «Кому на Руси жить хорошо» не закончена, но и в незаконченном виде она занимает одно из почетнейших мест в золотом фонде русской классической литературы.

Одно из важнейших достоинств ее — полная гармония формы с содержанием. Задумав изобразить живую душу народа, желая, чтобы его поэма стала «народной книгой», т. е. от начала до конца была понятна народу, Некрасов решительнее, чем в каком-либо другом своем произведении, пользуется в ней и народно-бытовым языком, и народно-поэтическим стилем.

В период работы над поэмой, в стихотворении «Газетная», с недопускающей никаких двойных толкований определенностью Некрасов говорит об органической связи своей поэзии с устной поэзией народа (фольклором), в частности, с народной песней:

Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Нигде эта органическая связь поэзии Некрасова с фольклором не появляется так явственно, как в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Начать с того, что самая основа поэмы несколько напоминает народные сказки, в которых происходит спор из-за того, что первенствует в мире: «правда или кривда», и для решения этого спора спорщики отправляются в путешествие и опрашивают встречаемых.

Возможно также предполагать, что Некрасов как автор поэмы в какой-то мере ориентировался на известную былинку

«Каково птицам жить на Руси».¹ Былина эта начинается так:

Прилетела малая птичка — пташка
 Из заморья, из тихого лукоморья,
 И спрашивала у русских птиц:
 «Каково вам жить на Руси?»
 Отвечали русские птицы:
 «Хорошо нам жить на Руси:
 Все птицы у нас при деле,
 Все птицы у нас при работе,
 И все птицы у нас при каравуле».

Далее былина рассказывает про жизнь различных птиц и зверей, причем характеристики обычно даются в двух планах: за птичьими отношениями легко представляются человеческие отношения. Изредка в былине звучат ноты социального протеста:

Ястреб на море — стряпчий:
 С богатого двора берет по полушке,
 Со вдовы, с сироты берет по две и по три, —
 То есть великая в нем неправда.

Таким образом, былина ставила тот же вопрос, что и поэма Некрасова.

Мало того, подобно поэме Некрасова, она обозревала все основные социальные группы.

Использование фольклорных образов и мотивов присуще, в большей или меньшей степени, всем частям поэмы. В «Пролог», например, Некрасов вводит сказочные образы: образ говорящей птицы, образ скатерти-самобранки.

Однако устная поэзия народа особенно широко использована Некрасовым во второй части поэмы — в «Крестьянке». Здесь Некрасов ориентируется и на похоронные причитания, и на свадебные причитания невесты, и на лирические семейно-бытовые песни. При этом следует самым решительным образом подчеркнуть, что поэт использует фольклорный материал отнюдь не механически, а подчиняя его своему художественному методу.

Вот, например, во что превращено им свадебное причитание, заимствованное из сборника «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым».²

¹ Эта былина вошла во 2-ю часть «Собрания» Рыбникова, изданную в 1862 году, т. е. незадолго до того, как Некрасов принялся за работу над своей поэмой.

² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. III, М., 1910, стр. 26—27.

У Рыбникова:

Повелел мой сударь-батюшко,
 Да благословила моя матушка...
 ...поставили родители
 К дубову столу во стольницы,
 К зелену вину в разливщицы.
 Я у дубового стола да постояла, —
 Во руках были подносы золоченые,
 На подносах были чарочки хрустальные,
 Во чарочках хмельное зелено вино
 Злодеям чужим чужанинам,
 Этим гостям неизвестным.
 И покорила свою младую головушку:
 Первой раз я поклонилась, —
 Моя волюшка с головушки укатилась,
 Другой раз я поклонилась, —
 Поблекло мое белое личико,
 Третий раз я поклонилась, —
 Подрожали мои резвые ноженьки,
 Свое род-племя красна девушка посрамила...

У Некрасова:

Велел родимый батюшка,
 Благословила матушка,
 Поставили родители
 К дубовому столу,
 С краями чары налили:
 «Бери поднос, гостей-чужан
 С поклоном обноси!»
 Впервой я поклонилась —
 Вздروгнули ноги резвые;
 Второй я поклонилась —
 Поблекло бело личико,
 Я в третий поклонилась,
 И волюшка¹ скатилась
 С девичьей головы...

В чем выразилась переработка рыбниковского текста, осуществленная Некрасовым?

Предоставим ответить на этот вопрос одному из авторитетных русских фольклористов (ныне покойному) проф. Н. П. Андрееву: «Мы видим у Некрасова чрезвычайное сжатие всего текста по числу строк (в тексте Рыбникова мы выпустили несколько строчек, аналогии которым у Некрасова совсем нет, и всё же текст этот значительно превышает некрасовский). Кроме того, и каждая строка у Некрасова короче соответствующей фольклорной строки (например, у Рыбникова:

¹ Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают волю, т. е. ленту, которую носят девицы до замужества. (Примечание Некрасова).

«К дубову столу во стольницы», у Некрасова: «К дубовому столу»). Это придает стиху Некрасова большую эмоциональную напряженность (фольклорный размер медленнее и эпичнее) и большую энергичность (в частности, важны в этом отношении мужские односложные клаузулы, употребляемые Некрасовым, тогда как в фольклорном тексте их нет).

Затем характерна произведенная Некрасовым перестановка: в фольклорном тексте при первом поклоне укатилась волюшка, при втором — поблекло личико, при третьем — подрожали ноженьки невесты; Некрасов переставляет эти моменты (сначала «вздогнули ноги резвые», потом «поблекло бело личико» и, наконец, волюшка скатилась с девичьей головы») и тем придает изложению большую силу и логичность. Кроме того, у Некрасова слова: «И волюшка скатилась с девичьей головы» (с сильной мужской концовкой) завершают повествование Матрены Тимофеевны о девичьей жизни, тогда как в фольклорном причитании дальше идет длительное продолжение, чем ослабляется значение этого мотива. Так мастер-художник придает большую силу и значимость материалу, к которому он обращается.¹

Не менее интересны примеры использования Некрасовым фольклорного материала в четвертой главе той же второй части, — главе «Демушка». Здесь Некрасов берет текст причитания талантливейшей крестьянской поэтессы Ирины Федосовой «Плач о старосте», вошедшего в сборник Барсова «Причитания Северного края».

Вот текст Ирины Федосовой:

Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
 Вы не на воду падите-тко, не на землю,
 Не на божью вы церковь, на строенице,
 Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
 Вы на этого злодея супостатого,
 Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
 Да ты дай же, боже господи,
 Чтобы тлен пришил на цветно его платьице,
 Как безумице во буйну бы головушку!
 Еще дай да, боже господи,
 Ему в дом жену не умную,
 Плодить детей неразумных!
 Слыши, господи, молитвы мои грешные!
 Прими, господи, ты слезы детей малых! . . .²

¹ Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин, Гослитиздат, 1944, стр. 170.

² Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. 1. М., 1872, стр. 287—288.

Вот текст Некрасова:

Злодеи! палачи! . .
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платье,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи! . .

И опять-таки нельзя не согласиться с проф. Н. П. Андреевым, когда, сопоставив эти два текста, он говорит: «И здесь Некрасов, следуя своему правилу («чтобы словам было тесно»), значительно сокращает фольклорный текст, не уменьшая, однако, числа строчек: каждая строчка у него гораздо короче, чем у Ирины Федосовой, так как освобождена от „балластных“ слов. Вследствие этого меняется ритм: у Ирины Федосовой, при большой внутренней силе, изложение дается медленное и потому сравнительно мало напряженное, у Некрасова же короткие строчки с многочисленными восклицаниями как раз создают большую эмоциональную напряженность (и здесь мужские клаузулы имеют такое же значение). Кроме того, подхватив из причитания Ирины Федосовой слово „злодея“, Некрасов четырехкратным повторением этого слова превращает его как бы в лейтмотив всего проклятия, тем более, что слово это звучит в самом начале, а затем в конце каждого смыслового отрезка. Так и здесь, подчеркивается и усиливается социальная значимость текста».¹

Если приведенные примеры свидетельствуют о том, как искусно перерабатывал Некрасов фольклорные образцы, то присутствие в тексте поэмы (вторая глава той же второй части) песни «Спится мне, младешенькой, дремлется», текст которой ничем почти не отличается от фольклорного подлинника, говорит о том, что в иных случаях Некрасов считал возможным вовсе не перерабатывать фольклорные тексты. Он мог пойти на это только потому, что в такой мере овладел ладом и складом народно-песенного творчества, что и его собственный текст

¹ Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин, Гослитиздат, 1944. стр. 172.

и заимствованный из фольклора, но переработанный им текст, и, наконец, взятый без всяких изменений фольклорный текст вполне гармонировали друг с другом, образуя единую художественную ткань поэмы.

Примечательно, что в четвертой части поэмы Некрасов создает целый ряд песен, являющихся продуктом его самостоятельного творчества, но настолько близких фольклору, что неискушенный читатель легко может их принять за подлинно народные. Таковы песни «Веселая» («Кушай тюрю, Яша! Молочка-то нет»), «Барщинная» («Беден, нечесан Калинушка»), «Голодная» («Стоит мужик, колышется»), «Солдатская» («Тошен свет, правды нет»), «Соленая» («Никто, как бог!»). Таковы же песня о Пахомушке («Есть у Пахомушки жена и дети») и знаменитая песня Гриши — «Русь» («Ты и убогая, ты и обильная»).

Проф. Н. П. Андреев по поводу этих песен говорил: «Ни для одной из этих песен мы не можем указать непосредственного источника в фольклоре; нет даже сравнительно близких аналогий. Только в самом общем плане можно говорить о том, что среди фольклорных песен есть песни, изображающие тяжесть крепостничества, тяжесть солдатчины и т. п. Однако песни Некрасова отличаются от фольклорных большей чёткостью и остротой изображения. Задача Некрасова заключается не в том, чтобы следовать за фольклором, воспроизводить фольклорные образцы, а в том, чтобы, пользуясь фольклорными приемами и делая тем самым свои произведения доступными крестьянству, воздействовать на крестьянское сознание, будить и прояснять его, создавать новые произведения, которые могли бы войти в песенный обиход и таким образом сделаться средством пропаганды революционных идей (недаром эти песни подверглись цензурным урезкам и прямому запрещению)».¹

Кроме бытовых песен и причитаний, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» использованы и некоторые другие виды фольклорных произведений. Так, в словах Савелия о богатырстве крестьянина слышится отзвук былины о Святогоре. Несомненна фольклорная основа песни «Крестьянский грех» («Аммирал-вдовец по морям ходил»), приближающейся по своей ритмике хотя бы к исторической песне «Молодой солдат на часах стоит». Недавно была указана белорусская сказка, перекликающаяся по своему содержанию с легендой о Кудеяре («О двух великих грешниках»).

¹ Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин, 1944, стр. 174.

В состав «Кому на Руси жить хорошо» введено огромное количество примет и поверий, пословиц и поговорок, загадок и отдельных фольклорных образов, рассеянных в поэме и придающих ей чрезвычайную фольклорную насыщенность.

Вот несколько примеров загадок в «Прологе» и первой части: о тени («Ой тени, тени черные»), об эхе («Никто его не видывал»), о снеге («Он смирен до поры»), о мельнице («Одним не птица мельница»), о козле («Так с бородой козел гулял по свету ранее, чем праотец Адам»), о замке («Замок — собачка верная»), о топоре («Всю жизнь свою ты кланялся»), о веретене («Вот то, чем больше вертится»), о ночи («Уж пишет грамоту господь червонным золотом»), о пиле («Весь век пила железная жуёт»). Все эти загадки у Некрасова даны, однако, не в виде собственно загадок, а в виде метафор или сравнений, с названием разгадок («Замок — собачка верная» и т. д.).

Пословицы и поговорки: «Сова — замоскворецкая княгиня»; «Сама лисица хитрая по любопытству бабьему»; «Солдаты шилом бреются, солдаты дымом греются»; «Добры ты, царска грамота, да не про нас ты писана»; «Шла борона прямёхонько, да вдруг махнула в сторону»; «Из песни слово выкинуть, так песня вся нарушится»; «Ты тем перед крестьянином, пшеница, провинилася, что кормишь ты по выбору, зато не налюбуются на рожь, что кормит *всех*»; «И гнется, да не ломится»; «Наши топоры лежали до поры»; «Без прутика, без кнутика все ходим, люди грешные, на этот водопой»; «Высоко бог, далеко царь»; «Что на роду написано, того не миновать»; «Правды из мошенника и топором не вырубишь»; «С работы, как ни мучайся, не будешь ты богат, а будешь ты горбат»; «За погудку правую смычком по шее бьют»; «Брань господская, что жало комариное, мужицкая — обух», «Хвали траву в стогу, а барина в гробу»; «Они (господа, В. Е.-М.) в котле кипеть, а мы дрова подкладывать» Характерно обилие ярко окрашенных социальных пословиц.

Приметы и поверья: «Ну, леший шутку славную над нами подшутил»; «Кукуй, кукуй, кукушечка! Заколосится хлеб, подавишься ты колосом — не будешь куковать»; «С кем встречи вы боитесь, идя путём-дорогою» (с попом); «Пошли крутую радугу на наши небеса»; «С тех пор, как бабы начали рядиться в ситцы красные, леса не поднимаются, а хлеба хоть не сей... А ситцы те французские, — собачьей кровью-краслены»; «Илья-пророк по ней гремит-катается на колеснице огненной»; «В рот яблока до спаса не беру»; «В тот год необычайная звезда играла на небе»; «Рубаху чистую надела

в рождество»; «Такая память знатная, должно быть... сорочьи яйца ел». Часть этих примеров и примет Некрасов сам отметил и пояснил в примечаниях.

В некоторых случаях применяются типичные для фольклора приемы, например параллелизм в главе «Дедушка»: ласточка — мать; отрицательные сравнения: «Не ветры веют буйные, не мать-земля колышется — шумит, поет, ругается, качается, валяется, дерется и целуется у праздника народ» и др.; постоянные эпитеты: «звезды частые», «девка красная» и пр.; повторения и фольклорные формулы («Шли долго ли, коротко ли, шли близко ли, далеко ли»).

«Вся работа Некрасова по использованию фольклорного материала, — справедливо замечает проф. Н. П. Андреев, — подчинена задаче — дать наиболее сильный в художественном и идейном отношении текст».¹ Нигде эту задачу он не разрешает с большим блеском, чем в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Поэтому она не только занимает центральное место в творчестве Некрасова, но и представляет собою одно из замечательнейших произведений классической литературы вообще.

¹ Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин. 1944, стр. 181.